

В. И. Козлов

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ*

Великая и страшная. В истории стран и народов мира есть много памятных событий и связанных с ними государственных и народных праздников, которые так или иначе объединяют людей. Впрочем, отнюдь не все памятные даты могут быть отнесены к «праздничным», а учреждаемые государственные праздники — к «народным». Отмечу в этой связи, что я родился и вырос в подмосковном г. Егорьевске на улице «9 января» (в память «кровавого воскресенья» 1905 г.). Помнится, эта дата, случайно почти совпавшая со днем смерти Ленина, довольно торжественно отмечалась как скорбный день. Но вряд ли кто сейчас считает, что к этому заведенному большевиками обычаю следует вернуться. Сильно померкли и советские праздники, в том числе главный из них — праздник Октябрьской революции 1917 г., еще недавно называемой «великой» и «социалистической». Теперь она воспринимается многими (особенно так называемыми демократами) как трагедия.

Попытки внедрить новые праздники, вроде Дня российского флага (22 августа), могут оказаться пустоцветами из-за условности дат и других причин. В случае с флагом, вероятно, следовало бы учесть, что он реял над огромной Российской империей, а нынешние правители урезанной России всячески боролись против «имперских амбиций». Кроме того, он был использован в Русской освободительной армии генерала Власова, переход которого на сторону гитлеровской Германии не оправдывается даже антисталинистами.

Для россиян, как и для большинства бывших советских людей, нет более знаменательной праздничной даты, чем 9 мая, — разгром Германии в результате второй мировой войны, получившей у нас название Великой Отечественной. День нападения Германии на СССР — 22 июня 1941 г. — воспринимается мною как самый трагический день нашей истории.

Войнами наполнена вся история человечества, они кажутся почти обыденными. И нынешнему поколению приходится объяснять, что термин «великая» применен к войне 1941—1945 гг. главным образом потому, что это была страшная война. Еще никогда в истории человечества военные действия не носили такого размаха: в них не было вовлечено так много людей и потери не были столь огромными. Итоги этой войны стали судьбоносными не только для Советского Союза, но и для других стран мира.

За давностью лет острота событий того времени явно притупилась, а некоторые важные взгляды и оценки пересмотрены. Теперь уже мало кто считает тогдашнего «вождя немецкого народа» А. Гитлера «бесноватым ефрейтором», как его часто обзывали в годы войны; многие признают его злодейские способности, ораторский талант и т. п. Созданная Гитлером и его сообщниками национал-социалистическая партия еще до войны называлась в нашей публицистике «фашистской» — по ранее возникшей в Италии партии Б. Муссолини. Это избавляло от необходимости разоблачать внешне «социалистическое» содержание гитлеровской программы, но затрудняло понимание ее сути. А суть национал-социализма заключалась в сочетании воинственного немецкого национализма с расизмом (чего, кстати сказать, нет в «фашизме»). В национал-социализме («нацизме») содержалась некоторая критика язв капитализма. Кроме того, немецкий этнос был представлен как основа высшей «арийской» расы, призванной, так сказать, коллективно (отсюда оттенок «социализма») властвовать над прочими народами и расами. Большинство их теоретики национал-социализма

* Статья печатается в авторской редакции.

относили к недочеловекам и обрекали одних на уничтожение ради расширения немцами своего «жизненного пространства», других на порабощение.

Развивая давние идеи экспансии немцев на Восток, к различным народам и этнорасовым группам нацисты относились по-разному. Часть восточнославянских этносов предполагалось «онемечить», основную массу истребить или поработить. В последнем случае предусматривалось, например, разрушить крупные города и культурные центры, отменить обязательное образование и резко сократить прессу, заменив ее громкоговорителями, по которым давались бы строго дозированная информация и главным образом веселая музыка, способствующая прилежной работе (преимущественно в сельском хозяйстве). Эстонцы, а также большая часть латышей и литовцев подлежали «онемечиванию», что, вероятно, представляется таперешним прибалтийским националистам достаточным основанием для чествования соплеменников, которые воевали на стороне гитлеровцев. Евреи были обречены на поголовное уничтожение. Видимо, нацисты не могли примириться с существованием этноса, исконная религия которого — иудаизм — провозгласила именно евреев «избранным Богом народом», призванным властвовать над другими народами мира.

Впрочем, в начале войны нацисты скрывали свои истинные намерения. Известно, например, что многие тысячи красноармейцев — уроженцев Прибалтики, Украины и Белоруссии, плененных в первые месяцы войны, были отпущены по домам, если эти «дома» находились на уже оккупированной территории. По отношению к военнопленным русской национальности, насколько мне известно, поступали иначе. Русский народ гитлеровцы считали своим главным врагом, и борьба против него должна была быть беспощадной.

Германия тяжело переживала условия Версальского договора 1919 г. И. В. Сталин же был очень заинтересован в том, чтобы вновь столкнуть Германию с Францией и Великобританией. До прихода Гитлера к власти Советский Союз снабжал Германию различными видами вооружения, немало офицеров вермахта проходили стажировку в танковых и летных училищах Красной Армии. Вероятно, этим объясняется и тот факт, что критика национал-социализма даже после прихода Гитлера к власти велась в советской печати менее интенсивно, чем следовало бы. После заключения в августе 1939 г. договора с Германией о ненападении (с протоколом о разделе сфер влияния в Восточной Европе), а затем и договора о дружбе критика вовсе прекратилась. Известно, что Сталин однажды назвал Гитлера «товарищем».

За прошедшие полвека о войне написано очень много, но главным образом о боевых операциях, нежели о фронтовом быте. Писали больше о ее «величии», чем о ее «страшности». Некоторые ее стороны, например адаптацию миллионов людей к длительному оккупационному режиму, вообще стало принято замалчивать. Естественно, в предлагаемых читателям воспоминаниях и размышлениях я не могу претендовать на восполнение всех имеющихся пустот. Расскажу о том, что глубоко врезалось в мою юношескую память и к чему десятилетиями я возвращался в своих размышлениях, особенно при изучении литературы о войне и в разговорах с другими фронтовиками. Скажу и о некоторых «неприятностях», которых было очень много как в военные годы, так и после них. Иногда придется затронуть и современность, которая оказывает влияние на мои размышления.

Начало войны. Почти для всех советских людей, как и для их «великого и мудрого вождя» И. Сталина, нападение гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. было неожиданным. Фактор «неожиданности» позднее стал одной из основных причин объяснения сталинистами неудач Красной Армии в начальный период войны. Нет смысла преуменьшать роль этого фактора. Однако следует помнить и о том, что эффект неожиданности был создан не столько гитлеровским, сколько советским командованием и прежде всего самим Сталиным. До последнего дня он безрассудно отвергал донесения разведчиков и другие предупреждения о готовившемся нападении. Немалая вина лежит на наркome обороны маршале С. Тимошенко и на генерале Г. Жукове. Последний

являлся в то время начальником Генштаба и не только разрабатывал действия вооруженных сил в тех или иных обстоятельствах, но и руководил военной разведкой. Полагаю, что Тимошенко и Жуков могли с каким-то риском для себя, но во имя спасения миллионов жизней советских людей настоять на приведении приграничных военных округов, особенно их авиации, в состояние боевой готовности хотя бы за день-два до 22 июня. В годы войны Жуков показал себя выдающимся полководцем, однако и победителей следует судить по меркам человеколюбия, о чем еще пойдет речь.

Нападение гитлеровских войск началось в 3 часа 15 минут утра, когда по советской территории был открыт артиллерийский огонь и начался захват мостов через пограничные реки. Чуть позже, с первыми лучами солнца, в воздух поднялись эскадрильи вермахта для налетов на приграничные аэродромы и другие военные объекты. Вероятно, с учетом последнего и появилась песня, в которой были такие слова: «Двадцать второго июня/ровно в четыре часа/Киев бомбили, нам объявили,/что началась война». Не знаю, действительно ли в то время бомбили довольно далеко расположенный от границы Киев, но относительно объявления войны автор этой песни сильно ошибался: о начале войны официально сообщили по центральной радиостанции им. Коминтерна лишь около полудня, т. е. спустя восемь с половиной часов после ее начала. Кстати сказать, прошло более шести часов, как германский посол Шуленберг вручил тогдашнему министру иностранных дел В. Молотову ноту о том, что ввиду концентрации советских войск на границе с Германией та вынуждена принять военные контрмеры. Сообщения о начале войны появились в утренних германских и других западноевропейских газетах, западное радио передавало сводки о занятых советских городах, а Страна Советов как бы продолжала радоваться воскресному дню.

Чем была вызвана задержка с сообщением о нападении Германии, сказать трудно. Обычно ссылаются на растерянность Сталина, однако к этому следует добавить и ставшее уже обычным пренебрежение к информированию советских граждан. Так или иначе, позднее сообщение, несомненно, оказало деморализующее влияние как на уже вступившие в бой армейские части, так и на жителей приграничных районов, которые имели радиоприемники. Позднее я представлял себе чувства брестского комсомольца, видевшего, как гитлеровские мотоколонны, обходя горящую крепость, восьмой час движутся на восток, и слышавшего на волнах станции Коминтерна сообщения о новых успехах стахановцев и веселые песни пионерского лета. Ничего хуже подобной фантазмагии придумать было нельзя.

Не помню, публиковалась ли у нас полностью нота, врученная Шуленбергом Молотову, но к сути ее недавно было привлечено внимание Виктора Суворова (Владимира Резуна) — автора книг «Ледокол» и «День „М“». Он старается доказать, что Сталин готовил нападение на Германию, однако Гитлер опередил его примерно на две недели. Судя по откликам, большинству наших военных историков, да и высшему офицерству такое заключение не понравилось. Мне же, признаюсь, многие рассуждения Суворова показались достаточно аргументированными, помогающими понять суть происшедшего. Хотя предполагаемая им дата нашего нападения — 6 июля — вызывает большие сомнения.

К июню 1941 г. советские люди в общем понимали, что Советский Союз усиленно готовится к войне; во имя этого приходится терпеть недостатки жизнеобеспечения, крепить дисциплину и сурово карать почему-то многочисленных «изменников Родины». Жителям СССР внушалось, что война будет преимущественно наступательной (как это и было в случае с Финляндией). В популярной тогда песне «Если завтра война» имелись такие слова: «Мы войны не хотим, но себя защитим,/оборону крепим мы не даром./И на вражьей земле мы врага разгромим/малой кровью, могучим ударом!».

В кинофильме «Если завтра война» (1939 г.) зритель видел, что советские быстроходные танки и конница мчатся по какой-то вражеской территории, эскадрильи самолетов наносят бомбовые удары, и враги в испуге поднимают руки.

Почему так не получилось, почему смертельный враг дошел на востоке до Сталинграда, а на юге до Эльбруса и почему вместо малой крови мы потеряли несколько десятков миллионов человек?

Это еще предстоит выяснить. Пока же из того, что сказано о войне, далеко не все правдиво.

Начало войны застало меня 17-летним юношей. Закончив третий курс Егорьевского станкостроительного техникума, я только что вернулся с практики на одном из заводов Одессы и был на летних каникулах. В момент сообщения Молотова о нападении Германии мы с сокурсником играли в шахматы и обсуждали вопрос о том, когда пойти в городской сад на танцы (тогда молодежь охватила настоящая эпидемия «западных танцев», довольно странная для сталинского режима). К этому сообщению, признаться, я отнесся без особых волнений в отличие от родителей, которые, вспомнив гражданскую войну, сразу послали меня в магазин за несколькими пачками соли и кусками мыла, а сами заторопились в другой магазин купить что-то из текстиля на имевшиеся деньги, которых в нашей довольно большой семье (четверо детей при одном работавшем отце) всегда не хватало. Причин для волнений у меня и большинства моих сверстников не было вследствие уверенности в силе Красной Армии и давней подготовки к войне. В техникуме мы сдавали нормы на юношеский значок «Готов к труду и обороне»; с группой ребят я получил значок «Ворошиловский стрелок» первой степени, шла тренировка для получения его второй степени и т. д.

Военные успехи германской армии в Европе нас не пугали, так как французы и даже англичане представлялись нам плохими «вояками»; о больших потерях нашей армии в войне против Финляндии нам известно не было. Зато гремели песни о том, как в нашей танковой атаке, «под напором стали и огня» летели наземь японские самураи. Что-то подобное ожидалось и с немцами.

К началу июля, когда стало ясно, что гитлеровцы, проходя чуть ли не по 100 километров в сутки, в Прибалтике взяли Ригу и идут к Таллину, на западном направлении, пройдя через бездумно разрушенные главным образом в 1940 г. укрепления на старой границе, взяли Минск и движутся к Смоленску, а на юго-западе подходят к Житомиру, за которым недалеко и до Киева, на душе стало странно тревожно. Никто не давал ответа на вопрос: что случится? Все радиоприемники у населения были конфискованы, тиражи газет сократились, да и в них, как и по радио, давались лишь скудные сводки «от советского Информбюро». В сводках для «гуманности» сообщалось не об оставленных городах, а о новых «направлениях» боев, говорилось о больших потерях врага и о массовых подвигах наших бойцов.

Только в хрущевскую «оттепель» стало проясняться, что наша могучая армия в начале войны уподобилась боксеру с закрытыми глазами и связанными руками. На первые сообщения о нападении гитлеровцев из Центра шли указания: «На провокации не поддаваться, огня не открывать!». В результате Красная Армия подверглась сильнейшим ударам опытного противника и почти не выходила из «нокдаунов»: боевая авиация была уничтожена большей частью на аэродромах, а танки — еще до принятия ими боя; враг захватил огромные склады оружия и обмундирования, расположенные, как показал В. Суворов, для удобства нашего предполагавшегося наступления также в приграничных районах. Следует сказать, что некоторую помощь продвижению германских войск в Прибалтике и на Западной Украине оказали группы местных националистов-профашистов. Что же касается наших потерь убитыми, тяжело ранеными и пленными, то они уже в первые десять дней войны исчислялись, вероятно, многими сотнями тысяч, если не миллионами, человек.

Мало прояснило ситуацию и первое выступление И. Сталина по радио 3 июля 1941 г. с необычным для такого деспота обращением: «Братья и сестры!... К вам обращаюсь я, друзья мои!». (Здесь ему, видимо, пригодились давние уроки в семинарии.) В выступлении говорилось, что «лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты» и что в бой вступают «главные силы Красной

Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов»¹. Настроение от этого не улучшилось, как об этом твердят наши военные историки, а ухудшилось, ибо новые успехи германского вермахта — взятие Смоленска, Одессы и Киева, окружение Ленинграда и особенно продвижение врага к самой Москве — стали восприниматься в каком-то фантастическом виде, вроде сказки, в которой богатырь отрубает головы у чудовища, а на их месте вырастают по две новые...

Война настойчиво вторгалась в жизнь родного города. В конце августа, перед началом занятий в техникуме, забрали в армию ребят 1923 г. рождения. Были организованы общие проводы, но не очень торжественные и без возгласов: «Мы ждем вас с победой!». Все стали понимать, что до победы нам очень далеко. В аудиториях студентов поубавилось; еще сильнее поредело в городском саду, хотя танцплощадка продолжала работать. Снабжение стало регулироваться карточками с различными «литерами», но перебоев в нем пока не было. Как ни странно, той осенью приходило мало извещений о гибели на фронте; вероятно, все наши убитые в ходе наступления гитлеровцев оставались на захваченной ими территории и вместе с пленными попадали в разряд «пропавших без вести». Вечерами, когда смеркалось, на северо-западе проступали огни пожаров от бомбардировки Москвы германской авиацией.

Город Егорьевск находился в стороне от основных транспортных магистралей, которые были и важными каналами информации. Поэтому о прорыве гитлеровских дивизий к Москве в середине октября, о развернувшейся эвакуации из нее правительственных учреждений, ряда военных и полумилитарных предприятий, а также о вызванной этим панике и бегстве части москвичей на восток нам стало известно лишь впоследствии. Атмосфера тревоги, правда, усилилась и у нас. Часть местного станкостроительного завода, на котором работал мой отец, готовилась к эвакуации, готовились к ней и лаборатории нашего техникума с преподавательским составом. Поэтому было решено выдать хорошо учившимся и уже приступившим к работе над дипломными проектами студентам четвертого курса свидетельства об окончании техникума. Я также получил такой диплом, оформился на завод, где работал отец, и в конце октября мы всей семьей выехали в теплушке эшелона в Северный Казахстан. От суматохи тех дней в памяти осталась необычайно рано установившаяся зима с морозами, доходившими до 20 и более градусов. И что бы позднее ни твердили наши военные историки о факторах разгрома немцев под Москвой, я убежден, что главным из этих факторов был «генерал Мороз», к ударам которого враги оказались почти не подготовлены в отличие от прибывавших на фронт наших сибирских дивизий.

Массовая эвакуация в первые месяцы войны составляет существенную часть всей ее истории, а быт многомиллионного населения, эвакуированного в восточные области страны, часто в иноэтническую среду, еще ждет, как говорится, своих исследователей. Мог бы и я немало рассказать о длительном — почти месячном — пути от Егорьевска до Кустаная, о транспортировке и монтаже заводского оборудования на морозных степных ветрах в строениях какого-то совхоза, расположенного в 10 км от ст. Тогузак, о скученном быте в небольшой комнатухе местного школьного интерната, где «спальные места» занимали почти весь пол, о походах в ближайшие казахские аулы, где часть привезенных нами вещей обменивалась на съестное, и т. д., и т. п. Но это отвлекло бы меня от основной темы.

Скажу сразу, что эвакуация, вызванная предположением о возможном окружении гитлеровцами Москвы с захватом Егорьевска, оказалась ненужной, а кое-как налаженное на новом месте производство корпусов для мин — неэффективным. Уже в первые месяцы 1942 г. было принято решение о реэвакуации цехов завода, и в марте мы тронулись в обратный путь. Эта дорога, занявшая более месяца, показалась тяжелее из-за худшего обеспечения продуктами, а также из-за того, что за зиму мы отощали и, пардон, обовшивели. Тем, кто не сталкивался с этим явлением, трудно понять, сколь важную роль оно может играть в бытовом отношении; в пути приходилось выбираться на площадку вагона или как-то уединяться на стоянках, чтобы бороться с такой напастью, но в

скупенной теплушке это давало слабый эффект, и только после возвращения в Егорьевск гигиена была достаточно восстановлена.

После эвакуационных впечатлений жизнь в Егорьевске показалась довольно серой и монотонной; снабжение ухудшилось, и кроме 12-часового рабочего дня (иногда без выходных) приходилось копаться на выделенном заводом небольшим пригородном участке для посадки картошки. В городе появились ребята с военными увечьями, довольно косо поглядывавшие на молодых мужчин в штатском. Для меня над всем этим витало ожидание неумолимой повестки из военкомата, и я почувствовал даже некоторое облегчение, когда в середине августа 1942 г. это ожидание, так сказать, материализовалось.

Моя война. Война 1941—1945 гг. жестоко ударила по всем призывным возрастам, последним из которых были новобранцы 1926 г. рождения, но относительные потери среди возрастных когорт оказались различными. Тяжело пострадали призывники 1920 г. рождения, часть из них воевала в Финляндии, а потом попала под первый страшный удар германского вермахта. Впрочем, рожденных в 1920—1921 гг., т. е. в то время, когда в стране шла гражданская война, было существенно меньше, чем рожденных в 1923—1924 гг., и, судя по всему, именно с помощью прибывших на фронт когорт рождения этих лет удалось остановить на фронте врага и заставить его двинуться вспять ценою больших потерь. Поэт-фронтвик Н. Панченко в одном из своих стихотворений тоскливо спрашивал: «Где вы, ребята с двадцатого, мальчики с двадцать четвертого?». А я о судьбе своих одногодков писал:

Петушками, скорлупки недавно проклюнувшими,
Шли военной судьбою, пощады не знавшей,
Восемнадцатилетние мальчики-юноши
Из разряда «живущие» в рубрику «павшие».
Отделенно, повзводно и в маршевых ротах
Шли и таяли дымом от маршальской трубки
В тех Сиявинских, проклятых богом болотах,
В Сталинградской внутригородской мясорубке.
И потом, как положено, жизнь не жалея,
Навсегда разлюбив все военные игры,
Становились на смерть в белгородских траншеях,
Сквозь которые перли «пантеры» и «тигры».
Ну а тем, кто осилил в лихую годину
Раскаленную сталь рейнметаллов и крупнов,
Предстояло, взрослея, идти до Берлина,
На пути оставляя все новые трупы...

Но это говорилось о поколении в целом, между тем как индивидуальные судьбы были, разумеется, очень разными.

В обычной размеренной жизни людей роль случайностей в принципе невелика; в военное время и особенно на фронте случай зачастую играл первостепенную роль. Думаю, что от прицельного огня гибли лишь около половины бойцов; многие гибли оттого, что более или менее случайно оказались именно в том месте, куда летели полушальная пуля, осколок снаряда или мины и т. п. Так, уже на территории Германии, когда наша часть, догоняя ушедших вперед, двигалась маршем по дороге, колесо одной из ротных повозок случайно наехало на противотанковую мину, и взрыв разметал шеренгу бойцов шедшего за ней взвода. Я шел в головной части колонны и тоже рядом с повозкой, да вот судьба, как говорится, пронесла...

Случайности начинаются с военкомата, который может направить призывника в соответствии с очередной полученной разнарядкой в ту или иную часть. Я надеялся, что по уровню образования попаду в какое-нибудь офицерское училище с политехническим уклоном, а был направлен в сержантскую школу запасного

артиллерийского полка, расположенного около Истры. Да и там мне не повезло, так как полк был уже почти укомплектован, и я попал во взвод противотанковых пушек 45 мм, получивших характерное название «прощай, молодость»: из таких пушек стреляли только прямой наводкой по оптическому «пулеметному» прицелу, в обороне и в наступлении они находились в боевых порядках пехоты, причем потери у артиллеристов были относительно больше, чем у пехотинцев. Учиться на командира такого орудия было несложно, но кормили нас скудно — по тыловым нормам — и сильно досаждали муштрой, за попытку сопротивляться которой мне пришлось побывать на гауптвахте.

Так или иначе, к середине ноября полковая школа закончилась, мы нашли сержантские лычки и были направлены в боевые части. Я с несколькими ребятами попал в формирующийся истребительный противотанковый полк, который в конце декабря был направлен на фронт, как нам сказали, к Ржеву. Однако почти перед Новым годом, еще до занятия боевых позиций, мы попали под бомбежку, и я с перебитым правым предплечьем и контузией оказался в военном госпитале Коломны. Кости были плохо совмещены, хирург выправил перелом и наложил гипс более аккуратно, но это замедлило процесс их срастания. В результате я пробыл в госпитале более двух месяцев, был признан «нестроевым», добрался до Егорьевска, поступил снова на завод, на этот раз мастером цеха, где работали мальчишки из ФЗУ, и получил «бронь», предохранявшую от нового призыва.

Жизнь в тылу была трудной, и совершенно справедливо, что труженики тех лет получили позже соответствующие медали и некоторые льготы. Снабжение ухудшалось, небольшие огородные участки не спасали, и в практику вошли поездки мешочников в «хлебные» районы, где проводился «бартерный» обмен сохранившейся одежды, обуви и прочих «промтоваров» на съестное. Дело было опасное, так как ехать обычно приходилось на крыше вагона или под вагоном; занимались им преимущественно подростки, не раз совершал такие «подвиги» и мой тогда 14-летний брат. В одежде все сильнее чувствовалось военное время: в быт вошли гимнастерки и слегка переделанные шинели, кирзовые сапоги и армейские ботинки, телогрейки и ватные брюки. Танцы в городском саду почти прекратились. Тем не менее жить было можно, не опасаясь, что тебя сегодня же или завтра убьют, и многие мужчины, панически боясь отправки на фронт, крепко держались за «бронь». У меня такого страха не было. Напротив, будоражила мысль о том, что я недовоевал, невыполнил свой долг мужчины, не убил «своего» немца... Такие чувства резко обострились после Курской битвы. Я исхитрился в военкомате, чтобы мне заменили «нестроевую» на «строевую», немного поскандалил в дирекции завода, чтобы с меня сняли «бронь», и в середине августа, под слезы матери, снова отправился воевать.

Господин Случай опять сыграл свою роль. В подмосковном пункте комплектования я довольно быстро попал в небольшую «команду», которая была направлена в распоряжение 153-го полевого укрепрайона 2-го Белорусского фронта, а из штаба ПУР — в один из его отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов. Специфика этих батальонов заключалась в том, что в них почти не было пехотных подразделений. Зато они были насыщены пулеметами, минометами, противотанковыми ружьями и артиллерией, не уступая по огневой мощи пехотному полку. Обычно их ставили в местах предполагаемого или уже начавшегося наступления гитлеровцев, и там они стояли насмерть, так как отступать в бою с пулеметом или минометом довольно трудно, а бросить такое оружие — значит попасть под трибунал (кстати, к тому времени уже вошел в силу известный приказ Сталина с девизом «Ни шагу назад!» об учреждении «заградотрядов» в тылу боевых частей).

Так получилось, что в экстремальных ситуациях наш батальон не оказывался. Мы держали оборону на юге Белоруссии и на Наревском плацдарме (к северу от Варшавы), где контратака немцев быстро захлебнулась, держали подвижную оборону к югу от Данцига (Гданьска), а затем с небольшими боями дошли до Кольберга (Колобжега) — в 100 километрах восточнее Штеттина (Щецина), потеряв почти за два года убитыми всего несколько десятков человек. Выше звания

старшего сержанта я не продвинулся; находился обычно при взводе все тех же 45-мм пушек, отвечая за их боеготовность, но при занятии новых позиций ходил с командиром роты по всей линии обороны, составляя картосхемы расположения огневых средств.

За боевые действия в Белоруссии я с рядом однополчан получил медаль «За боевые заслуги» и довольно долго трепавшую меня малярию, за бой на Наревском плацдарме, где я заменял раненого наводчика орудия, — солдатский орден Славы III степени, который, к удовольствию его «кавалеров», не был впоследствии столь девальвирован, как другие ордена. А за то, что жизнь десятки раз подвергалась смертельной опасности, особых наград, по-моему разумению, не полагается: это просто входит в понятие «фронтовик».

Большую часть фронтового времени мне пришлось быть на передовой, нередко в сотнях метров от противника, а потому могу сказать, что достаточно хорошо знаю фронтовой быт. Война отняла почти у 90% юношей моего поколения жизнь, а у оставшихся «счастливицков» — лучшие годы жизни, годы исканий и влюбленностей. Но она мало что дала позитивного, кроме спокойного отношения к возможной смерти да привычки стойко переносить трудности и лишения. Разговоры о том, что война «переделывала характеры» и «рождала героев», основаны большей частью на недоразумении. В действительности война через экстремальные ситуации просто выявляла те особенности характера, которые были до того в скрытом виде. Конечно, в состоянии аффекта даже трус мог совершить решительный поступок, но такое состояние проходило, и на поверхность снова вылезала трусость. К стати сказать, не случайно многие солдаты и офицеры после демобилизации быстро теряли свой боевой дух и превращались в прежних обывателей, боящихся начальников.

Нет смысла повторять описания жизни фронтовых артиллеристов, сделанные в произведениях Ю. Бондарева и Г. Бакланова. Отмечу лишь, что уважаемые писатели видели многие события с высоты своего офицерского статуса, а быт даже младшего лейтенанта сильно отличался от сержантско-рядового, в котором формировалось мое сознание. Введение погон и офицерских званий подорвало прежде «братство» военнослужащих Красной Армии, приблизив ее к дореволюционной. Офицеру разрешалось иметь личного ординарца (денщика), который заботился о его быте, ему полагались лучшая одежда, дополнительные продовольственные пайки и пр. Иерархия среди офицеров, обусловленная не столько званиями, сколько должностями, нами ощущалась слабее, но при этом выделялись двое. Одним был командир батальона, который, как говорили, не раз заявлял в подпитии о себе: «Ванька рыжий с улыбочкой расстреляет!»; другим — лейтенант СМЕРШ (военной контрразведки), нередко ходивший по ротам и тщетно старавшийся преодолеть возникавший при его появлении барьер отчуждения. Вообще к чувству, что твоя жизнь может зависеть от прихоти какого-нибудь командира, привыкнуть было очень трудно.

Многие представляют войну как почти непрерывное сочетание наступательных и оборонительных боев, но это не совсем так. Кровавопролитные бои обычно шли на сравнительно узких участках фронта с целью прорыва и возможного окружения не отступившего вовремя противника; затем линия фронта выравнивалась и могла оставаться стабильной в течение одного-двух, а то и более месяцев. Мобильный солдатский быт приобретал в этот период черты «оседлого», чтобы затем вновь прийти в походную форму с суточными переходами, порой в десятки километров.

При мобильной жизни чаще были перебои с питанием, и сильнее ощущалась его нехватка. Однажды мне пришлось пробираться по минному полю к подорванной лошади, ступая в ее следы, чтобы хоть на время обеспечить себя и товарищей кониной. Легче с питанием стало на территории Германии, где появилась возможность поживиться съестным в оставленных немцами домах. Другая трудность солдатского быта была обусловлена недостатками одежды. Плащпалатки имелись далеко не у всех, и от весенней и осенней поры в памяти остались почти

непросыхающая шинель и сырые портянки, от зимней — частый озноб и легкие обмораживания. Как ни странно, но простудных заболеваний было мало. Не раз приходилось спать под открытым небом, один раз — зимой, после изнурительного марша, в небольшой яме с товарищем (одна шинель стелилась вниз, другой — накрывались). В землянках, даже на голых нарах, было, разумеется, лучше, но я с трудом привыкал к спертому воздуху, наполненному парами от сохнувших шинелей и портянок, запахом давно немых тел и чадом самодельного — обычно из сплюсненной снарядной гильзы — светильника. Вообще запахи войны — это особая, слабо освещенная в литературе тема, хотя некоторые запахи удерживались в памяти не менее стойко, чем зрительные образы и специфические звуки выстрелов и разрывов. Мне так и не удалось, например, привыкнуть к противно-сладковатому запаху начавших разлагаться трупов, а потому не могу удержаться, чтобы не привести в этой связи небольшое стихотворение любимого мною Н. Панченко:

Весна на фронте пахнет не фиалками —
бурлят из леса затхлые ручьи.
А там вповал —
январские, февральские,
немецкие, советские — ничьи.
В овчинных шубах,
как в звериных шкурах,
кто навзничь, кто ничком, кто на боку...
Весной на фронте очень много курят
и вечно не хватает табаку.

Сильно чувствовала во фронтовом быте и такая напасть военного времени, как вши. А Твардовский затронул ее полушутя в разговоре Василия Теркина со стариком — бывшим солдатом, который, узнав, что и в новой военной жизни вошь «отчасти есть», заключает: «Значит, есть? Тогда ты — воин, / рассуждать со мной достоин. / Ты — солдат, хотя и млад, / а солдат солдату — брат!». В действительности эта напасть была очень ощутимой, так как сильно нарушала и сокращала сонливое ползузабытье, которое во многом заменяло «духовную» жизнь и в которое часто впадали солдаты в свободное от службы время. Очень резко сказал об этой напасти тот же Н. Панченко в стихотворении «Солдаты Лысой горы»: «Снег не греет, смех не греет — / греет зуд, собачий зуд: / вши от голода звереют — / кости мерзлые грызут...». Приходится только удивляться, что ни на фронте, ни в тылу в наше время не было таких эпидемий сыпного тифа, какие свирепствовали в годы гражданской войны.

Многое из сказанного выше о тяжелом фронтовом быте может быть отнесено и к тыловой жизни, где люди часто страдали и от физического перенапряжения, и от голода, холода, грязи и вшей. Главная особенность фронтовой жизни заключалась в целенаправленном стремлении убить врага при риске быть убитым или тяжело раненным самому. А степень этого риска была очень высокой. Полагаю, что примерно половина наших военнослужащих погибла, не убив и даже не ранив ни одного врага. С этой особенностью фронтовой жизни связан комплекс различных, в том числе психологических, проблем отношения людей к жизни и смерти, к милосердию и убийству, который имеет выходы в этнологию (этническую конфликтологию), но на котором мне придется остановиться лишь частично.

Мы и немцы. Как ни странно, но война против напавших на нашу страну Германии и ее союзников (Италии, Венгрии, Румынии и др.), имевшая со стороны гитлеровцев преимущественно националистически-расистский смысл, с нашей стороны довольно быстро также приобрела этнический смысл в виде войны против «немцев». В конце 1930-х годов отношение к немцам, помнится, было каким-то неопределенным, хотя и без того оттенка пренебрежения, как по отношению к японцам. Заключение с Германией договора о ненападении и затем

договора о дружбе отразилось в прекращении критики национал-социализма, но не пробудило к немцам какой-то симпатии. С началом войны советские люди поднимались на смертный бой с «фашистской силой темною», с «фашистской Германией», но вскоре такие установки стали частично меняться. Показательны в этом отношении выступления И. Сталина, который 3 июля 1941 г. говорил о нападении «гитлеровской Германии» и о «фашистских войсках», а уже в докладе в честь Октябрьской революции 6 ноября заявил о «немецко-фашистах» и просто о «немецких захватчиках», о том, что «немцы жестоко просчитались», и т. п. Такая антинемецкая направленность, проступавшая в речах Сталина до конца войны, была подхвачена всеми средствами массовой пропаганды. Она звучала в песнях (например, «...мы выроем немцам могилу/в туманных полях под Москвой»), в статьях журналистов и публицистов (особенно усердствовал И. Эренбург, изображавший немцев чем-то средним между кровожадными варварами и бешеными собаками), а лирик К. Симонов стал призывать: «Так убей же немца, убей!/Так убей же его скорей!/Сколько раз ты увидишь его,/столько раз ты его и убей!». Ничего подобного по отношению к союзникам немцев, вроде «Убей итальянца!», насколько мне помнится, не звучало.

Теперьешнему поколению россиян, насмотревшихся по телевизору дружески-сусальных встреч наших верховных правителей с германскими и знающих, что генсек ЦК КПСС и президент СССР М. Горбачев спокойно принял титул «лучшего немца 1991 г.», почти невозможно представить лютую ненависть к немцам, возбужденную в первые месяцы войны и подкрепляемую все новыми и новыми сообщениями о зверствах немцев на оккупированной ими территории, особенно за поддержку партизан, поставленных гитлеровцами вне закона.

Полагаю, что на фронте наше чувство ненависти к немцам в целом было сильнее их чувства враждебности по отношению к нам. Во всяком случае известно, что некоторые немецкие офицеры иногда внешне по-рыцарски отмечали подвиги наших павших героев, чего с нашей стороны не делалось никогда. Отважно воевавшие немцы всегда воспринимались как опытные хищные звери, подлежащие безусловному уничтожению.

Среди этнологов, социологов и психологов уже давно идет спор о том, насколько войны, которыми заполнена вся история стран и народов мира, совместимы с природой человека. Довольно широко распространено мнение о том, что нормальный человек, решаясь на убийство другого человека, превращается в зверя, во всяком случае испытывает сильный стресс, причем с повышением уровня образованности или культурности такой стресс проявляется сильнее.

Должен сказать, что такие рассуждения, так или иначе восходящие к христианской заповеди «Не убий», имеют мало общего с реальностью. Ислам или, скажем, иудаизм вполне четко поощряют убийства «врагов», да и само христианство относится к этому отрицательно больше на словах. Такой глубокий ученый, как Б. Ф. Поршнев, уже довольно давно заметил, что «человек разумный» в своем мышлении изначально склонен к абсурду, а в своем поведении — к систематическому уничтожению себе подобных и что это является одним из его специфических видовых признаков².

Убийство может не вызвать никаких стрессов, если оно мотивировано «необходимостью», тем более — «полезностью». Без осознания этого обстоятельства невозможно понять ни спокойной жизни тысяч советских палачей и десятков тысяч охранников при сталинских лагерях уничтожения, которые имели отношение к ликвидации «врагов народа», ни участников современных межэтнических столкновений (об убийствах женщин и детей — речь особая).

Что касается фактора «культурности», то достаточно показательно собрание московской «творческой интеллигенции» в конце сентября 1993 г. Многие его участники истерически требовали от президента Ельцина, чтобы он решительно применил против демократически избранных народных депутатов вооруженную силу. Казалось, дай им автоматы, они и сами пойдут стрелять в небооруженных людей. Тут поневоле приходишь к выводу о наличии в природе человека таких

нехороших изъязнов, которые при сравнении людей с животными могут только обидеть последних.

Возвращаясь к делам фронтовым, должен сказать, что, судя по учебным стрельбам, наводчиком я был неплохим. Примерно из двух десятков выпущенных мною на фронте снарядов около трети попали в цель. Во всяком случае бронетранспортер за Наревом я точно подбил: он остановился и задымился, а из него попрыгали немцы. Надеюсь, что я убил или тяжело ранил «своего» немца, а также немца «за того парня», но тел их, признаюсь, я не видел, и, возможно, поэтому в памяти ничего, кроме чувства возбуждения боем, не осталось. Вообще же немецких трупов повидал предостаточно и смотрел на некоторые из них с любопытством. Старался представить, кем же был убитый до того, как надел военную форму. Пленных видел немного; почти все они производили довольно жалкое впечатление, гасившее чувство ненависти.

О том, какие они — немцы, приходилось судить по оставляемому ими вооружению и другим элементам военной «материальной культуры». Оружие у немцев было добротное: винтовка чуть короче нашей, но с более точным боем; хорош был и известный автомат «шмайссер» — чуть большего калибра, чем наш; немецкие гранаты с длинной ручкой было менее удобно носить, но зато можно было дальше бросать, и т. п. Качество артиллерийских орудий было примерно одинаковым, но мы превосходили их в количестве орудий и в наборе бронебойных снарядов. О сравнительных качествах танков судить не берусь, но после того, как «тигр» вблизи нашего батальона с расстояния чуть больше полукилометра несколькими выстрелами буквально расстрелял две пошедшие на него наши прославленные «тридцатьчетверки», уважение к нему повысилось.

Следует сказать особо об изобретенном немцами фаустпатроне: ничего похожего у нас не было, и нашим танкистам и самоходчикам следует Бога благодарить, что эта запускаемая вручную полуракета, пробивающая концентрированным взрывом даже толстую броню, распространилась у них лишь в первые месяцы 1945 г., когда исход войны уже был предрешен.

Личная экипировка германских военнослужащих, на которых работало чуть ли не пол-Европы, была несколько лучше нашей. Это относится прежде всего к обуви, так как у немцев были сапоги, а большинство наших солдат и сержантов прошли через всю войну в ботинках с очень неудобными обмотками. Исключением была зимняя одежда, которая у немцев даже после тяжелого опыта зимы 1941—1942 гг. не вполне соответствовала морозной погоде. Питание у немцев на фронте также было лучше нашего. В оставленных ими землянках иногда можно было найти банку с неизвестным тогда у нас плавленым сыром, а то и бутылку французского вина и т. п. Гораздо лучше были оборудованы и сами землянки, а также траншеи и стрелковые точки. Приходилось лишь жалеть о том, что оборонительные линии немцев вследствие их обычной ориентации на восток нельзя было непосредственно использовать в наших собственных целях.

Чувство своего рода уважения внушала и вся немецкая материальная культура, которая открылась нам после вступления на территорию Восточной Пруссии, особенно в сельской местности: асфальтированные дороги, добротные дома под красной черепицей и т. д. Это уважение сочеталось с удивлением. Мало кто знал, что благосостояние немцев, живших, как нам твердили, под игом империализма, было в среднем значительно выше, чем у советских людей. Контраст казался особенно резким, так как незадолго до того мы прошли по Южной Белоруссии с ее большей частью разрушенными и сожженными деревнями, где ютились оборванные старики, женщины и дети, радовавшиеся даже гнилой картошке.

Было совершенно непонятно, что за причина погнала этих зажиточных, по нашим меркам, немцев жестоко завоевывать нашу бедную страну? Непонимание нередко переходило в раздражение, искавшее своего выхода. В первом немецком городе я со знакомым писарем штаба зашел в оставленные жильцами квартиры обычного четырехэтажного дома. Мы посмотрели на висевшие люстры и зеркала, на блестящую в сервантах посуду и стоявшее пианино, а когда уходили, то мой

знакомый — бывший учитель литературы и в общем такой интеллигентный человек — матерно ругнулся и бросил в одну из гостиных ручную гранату. О том, что этот город уже не будет германским, мы тогда не знали.

Врезался в память случай, когда сержант одной из рот нашего батальона, узнавший о гибели всей его семьи при бомбардировке немцами родного города и, как говорили потом его знакомые, поклявшийся отомстить, забежал в один из немецких домов и дал очередь из автомата по сидевшей за столом семье. Сержант сразу же отправил под трибунал, а поступок его осудили даже приятели; мы понимали, что к призыву «Убей немца!» следует относиться очень ограничительно; не знаю, были ли подобные случаи «кровной мести» в других частях.

Уместно сказать, что значительная часть немецкого населения до прихода войск Красной Армии устремилась на запад. На марше наши части нередко опережали беженцев, преимущественно пожилых мужчин, женщин и детей, везших какой-то скарб на тележках, велосипедах и в детских колясках. Наше отношение к таким беженцам, особенно к детям, было довольно жалостливое. Да и сами немцы вели себя по отношению к нам как дисциплинированные побежденные; разговоры о возможном действии против нас каких-то партизанских групп «вервольфа» так и не подтвердились. Основная часть оставленного в немецких домах имущества в районе дислокации нашего батальона была «конфискована» поляками, группы которых также двинулись на запад до новой границы Польши по Одеру — Нейсе. Поляки не стеснялись мародерствовать и среди немецких беженцев, чего наши солдаты не допускали. Кое-что из оставленного имущества, впрочем, доставалось и нам: оно отправлялось на родину официально разрешенными «посылками» или вывозилось отпускниками и демобилизованными. Обычное содержание рядовых «посылок» и вещмешков — малоношенные одежда и обувь, постельное белье или просто куски ткани и т. п.; средние офицеры везли большие чемоданы, старшие офицеры и генералы (особенно — интенданты), мобилизуя для сбора вещей своих подчиненных, отправляли целые контейнеры. Поиски таких «трофеев» в оставленных немцами домах стали заметной частью армейской жизни, почему-то обойденной вниманием военных писателей.

Не отступая от правды, следует остановиться и на такой деликатной теме, которая может быть названа «женским вопросом». Наука не должна терпеть ханжества, и совершенно понятно, что красноармейская форма молодых мужчин, отсеченных на несколько лет от нормальной половой жизни, не могла сдерживать естественных чувств и потребностей. В нашей части женщины не было вообще; походных публичных домов в нашей армии, в отличие от немецкой или, скажем, американской, не существовало, отпусков не полагалось, поэтому такие «чувства» прорывались при первой возможности, скажем, при кратковременных остановках в белорусских и польских селениях. На территории Германии это приобрело специфические формы. По существу, все войны — с самой далекой древности — сопровождались насилиями над женщинами, считавшимися такой же законной «добычей» победителей, как и имущество побежденных. Подобные нравы стали смягчаться с XIX в., да и то не везде. В современных межэтнических конфликтах в Боснии и в Закавказье насилие над женщинами порой принимало чуть ли не ритуальную форму унижения врага. В нашей литературе эта тема затронута в романе Ю. Бондарева «Берег», где наш артиллерийский офицер влюбляется в немецкую девушку, а та отвечает ему взаимностью, выдержавшей затем, как говорится, испытание временем. Если что-то столь романтическое в действительности и было, то это — случай исключительный.

Почти четыре года смертельной борьбы с ненавистными немцами препятствовали «романтизму»; нормальным явлением были случайные половые связи с молодыми немками, обычно с элементом легкого принуждения, но без грубого насилия (за что отдавали под трибунал). Судя по рассказам ребят, оставшихся почти без мужчин немки не очень-то и сопротивлялись. С задержавшимися в своем пути на запад голодавшими беженками это походило на полупроституцию: женщины отдавались за пайки хлеба и сахара, за банку тушенки и т. п. (нечто

подобное было и в западных зонах, занятых союзниками). В послевоенные месяцы такие связи стали существенной частью армейского быта и получили довольно широкое распространение, что привело к вспышке венерических болезней. В то время я помогал писарю штаба оформлять документы на многочисленных отпуски и демобилизованных, и он показывал мне приходящие в штаб секретные документы о таких неприятностях.

Военные потери. Материальные потери, причиненные войной 1941—1945 гг., были громадными, даже если учесть, что в наших официальных сводках они несколько преувеличены и отнесены только к деятельности гитлеровцев, чтобы подкрепить наши требования о репарациях. Вероятно, агрессор действительно должен был отвечать за все, в том числе, скажем, и за взорванный нашими минерами киевский Крещатик. Но разрушенные дома и промышленные предприятия, взорванные мосты и гидроэлектростанции в послевоенные годы были восстановлены или построены заново. Несравненно более тяжелыми оказались невосполнимые людские потери, в которые вошли многие миллионы погибших и преждевременно умерших (в демографии принято учитывать также число «недородившихся»).

Следует отметить также, что среди погибших доля физически и духовно полноценных людей была, несомненно, выше, чем среди оставшихся. Это ведь только в бодрой песне утверждалось: «Смелого пуля бьется, / смелого штык не берет!». В действительности смелые бойцы гибли чаще, чем осторожно-трусоватые, что в результате привело к ухудшению генофонда советского общества.

Деспотичный И. Сталин с подручными не жалел советских людей и в мирное время. Тем более не жалел он их в годы войны, которая реально угрожала не только невыполнимому замыслу по строительству коммунизма, но и самой его жизни. Потеряв из-за преступной неосторожности в начале войны большую часть боевой авиации и танков, верховное командование старалось противопоставить вражеской технике главным образом нашу живую силу, бросая в бой все новые и новые сотни тысяч недостаточно вооруженных и плохо обученных бойцов. Особенно трагична в этом отношении судьба погибших дивизий народного ополчения, в составе которых, кстати сказать, было немало и научных работников. Тенденция не считаться с людскими потерями проявилась даже в последний период войны, когда победа стала очевидной и, казалось бы, можно было щадить жизни советских бойцов. Очень показательна в этом отношении Берлинская операция, желанная победа в которой была предрешена 25 апреля, когда танковые части 1-го Украинского фронта соединились к западу от Берлина с частями 1-го Белорусского фронта, завершив его полное окружение. Нет никакого сомнения, что недели через три берлинский гарнизон был бы вынужден капитулировать, а Гитлер и Геббельс еще до того предпочли бы смерть плену. Но Сталин решил взять город к Первомайским праздникам и поручил сделать это маршалу Жукову, который, как всегда исправно и жестко, стал штурмовать его с востока, понуждая наши части прорываться через хорошо укрепленные пригороды и кварталы. В результате флаг над рейхстагом был водружен в ночь на 1 мая. Но в Берлинской операции наши потери составили, по официальным данным, около 300 тыс. убитыми и тяжело ранеными — примерно столько же, сколько США потеряли, провоевав с Германией и ее союзниками, а также с Японией. Поэтому, когда несколько десятилетий спустя я услышал в фильме «Белорусский вокзал» песню о победе, во имя которой «мы за цену не постоим», то такая попытка оправдать наши потери показалась мне, мягко говоря, кощунственной.

Огромные людские потери Советского Союза в годы войны в официальных сообщениях преуменьшались, а потери немцев преувеличивались, хотя большинство участников войны знало, что немцы даже в период их отступления воевали более умело. С целью сокрытия этих потерь Сталин отменил первую послевоенную перепись населения, намеченную, как и в других воевавших странах, на конец 1940-х — начало 1950-х годов. Она была проведена лишь в 1959 г., когда эти потери были отчасти скомпенсированы послевоенным приростом насе-

ления. Тем не менее некоторая статистическая база для оценок людских потерь была создана, и в одном из заявлений Н. Хрущева в 1961 г. они определялись в 20 млн. человек, что долгое время оставалось официальной оценкой. Историки ГДР, соглашаясь, очевидно, с этой суммарной оценкой, разложили ее на 8 млн. «потерянных на полях сражений» и 12 млн. погибших гражданских лиц. Общие потери Германии, по их оценкам, составили около 5 млн. человек³. По моим подсчетам, содержание которых изложено в специальной статье, общее число потерь, непосредственно вызванных войной (убитые и преждевременно умершие), составило для Советского Союза около 40 млн. человек, из них воинские потери (т. е. потери среди людей, владевших оружием) составляли около 15 млн.⁴

По недавно опубликованным новым официальным данным, в Великой Отечественной войне СССР потерял бойцов и командиров 8 668 400 человек, из них погибли на поле боя 5 226 800, умерли от ран в госпиталях 1 102 800, от болезней и по другим причинам — 555 500, пропали без вести, не вернулись из плена — 1 783 300 человек⁵. Мне эти данные, составленные, вероятно, по армейским сводкам, представляются преуменьшенными, а внешняя точность их — мнимой, так как погрешности здесь измеряются не сотнями человек, а многими сотнями тысяч, если не миллионами. Для подробного критического анализа приведенных данных в этой статье нет места. Кроме того, он во многом повторил бы уже сказанное мною ранее. Поэтому остановлюсь лишь на некоторых положениях.

Военная статистика 1941 — первой половины 1942 г., когда в ходе наступления гитлеровцев в окружение иногда попадало сразу по несколько наших армий, навсегда останется неполной и дефектной. Поэт-фронтовик С. Гудзенко писал: «Когда идут в атаку писаря, /о мертвых не приходят известья». Далеко не все ясно и с судьбой 5,8 млн. наших пленных, из которых, по германским данным, уже к началу 1944 г. погибли 3,3 млн., а всего, вероятно, не менее 4 млн., а вовсе не 1 783 300 человек (из которых часть, вероятно, осталась на Западе). Неясно, в какую графу попадали сотни тысяч советских военнопленных, освобожденных Красной Армией, а затем направленных в ГУЛАГ как «изменники Родины». Полагаю, что многие из них оказались в графе умерших заключенных, «облегчив» тем самым военные потери.

В разряд воинских потерь я включаю многие сотни тысяч погибших партизан, чего наши статистики упорно не хотят делать. Кроме того, с некоторой условностью, основываясь на практике подсчета потерь в годы гражданской войны, приходится включить в них и потери среди бывших советских людей, поступивших на полицейскую и военную службу к гитлеровцам. Полицай были на всей оккупированной территории, в том числе и в районах, где не действовали партизаны, поэтому число их превышает численность партизан, составлявших в целом около 1 млн. человек, а потери (учитывая и последовавшую кару за содеянное) — не меньше, чем у партизан. Что же касается военных соединений, то кроме известной Русской освободительной армии генерала Власова (130—150 тыс.) к ним относится западноукраинская «галицийская» дивизия СС (около 50 тыс. человек), эстонский и латышский легионы, полки казаков и «мусульман», батальоны крымских татар и другие части — всего, по некоторым оценкам (возможно, преувеличенным), более 500 тыс. человек, большая часть которых, вероятно, погибла.

Вызывает сомнение даже официальная цифра умерших от ран и «в госпиталях», ибо многие десятки, а возможно, и сотни тысяч тяжело раненных и калек умирали вскоре после выписки их из госпиталей. Короче говоря, цифра воинских потерь Советского Союза — примерно в 15 млн. человек (из них «армейские» и партизанские не менее 13 млн.) — по-прежнему представляется мне более основательной, чем официальная цифра «армейских» потерь в 8,7 млн. человек. Уместно отметить, что «армейские» потери немцев были втрое меньше.

Громадные потери среди гражданского населения за счет преждевременных смертей (от голода, холода, изнурительного труда и болезней, а на оккупированной территории — и от репрессий) можно определить лишь приблизительно. Это особенно относится к жителям областей, захваченных гитлеровцами и на-

ходившихся под оккупацией не один год. Особенности жизни этих людей в нашей литературе освещены, как уже говорилось, слабо, кроме случаев участия в партизанской борьбе, повлекших за собой репрессии. Для историков здесь остается широкое поле деятельности. Гитлеровцы и их подручные давили оккупированное население различными поборами и повинностями, но за высокую смертность ответственны, к сожалению, не только они. Уместно напомнить в этой связи, что И. Сталин в своем выступлении 3 июля 1941 г. дал указание не оставлять врагу при отходе частей Красной Армии «ни килограмма хлеба», что само по себе при должном исполнении обрекало оставшихся в оккупации людей на голод. Да, наш Верховный Главнокомандующий, чуть было не погубивший своими жестокостями и неосторожностью Красную Армию, а с нею и весь советский народ, преодолевал врага с еще большими жестокостями, и забывать об этом не следует.

В великой и страшной войне против Германии и ее союзников участвовали все этносы Советского Союза, поэтому она называется Отечественной с гораздо большим основанием, чем война против наполеоновской Франции с ее союзниками. Однако степень активности советских этносов была неодинаковой: об этом отчасти можно судить, например, по числу представителей той или иной национальности, получивших звание Героя Советского Союза (в скобках — на каждый миллион населения): русских — 8 тыс. (80), украинцев — 2 тыс. (60), белорусов — около 300 (35), татар — 161 (37) и др., в том числе латышей — 12 (10), эстонцев — 9 (9), молдаван — 2 (1)⁶. Довольно много Героев Советского Союза было среди евреев — 107 человек, но определить их относительную долю в еврейском этносе трудно, так как к 3 млн. советских евреев, зафиксированных переписью 1939 г., очевидно, следует прибавить еще 1,5—2 млн. евреев в присоединенных западных областях. Так или иначе, этот индекс окажется существенно ниже, чем у татар и белорусов.

Разными в абсолютных и относительных цифрах были и понесенные теми или иными этносами потери, о чем свидетельствует различная степень деформации их половозрастной структуры, установленная мною по материалам переписи населения 1959 г. Очень сильно пострадали от войны евреи и белорусы (в большей степени за счет потерь среди мирного населения), численность которых на 1959 г. оказалась ниже довоенной. По абсолютному числу потерь резко выделяются русские, по относительному — некоторые народы Поволжья (мордва, чувашаи и др.), которые перед войной были слабо заняты в промышленности и потому не пользовались «бронированием»; с десяток чувашей был, кстати сказать, в нашем батальоне. Сравнительно небольшие потери понесли коренные этносы Средней Азии, их солдат из-за плохого знания русского языка редко брали в боевые подразделения. Опубликованные в 1993 г. полуофициальные данные говорят о том, что среди воинских потерь в 8,7 млн. человек на долю русских приходится 66,3%, украинцев — 15,9, белорусов — 2,9% и т. д.⁷, — в общем, подтвердили сделанные мною ранее выводы, но точность приводимых цифр является мнимой, а сами цифры — неполными. По моей оценке, потери русского этноса в этой войне (без учета снижения рождаемости) составили более 20 млн. человек.

После грома победы. Официально Великая Отечественная война закончилась 7 мая 1945 г., когда представители Германии подписали акт о ее безоговорочной капитуляции (9 мая был повтор этого акта). По давним армейским правилам, война считается законченной, когда похоронены с почестями все павшие воины, награждены отличившиеся в боях, оказана помощь военным калекам, вдовам и сиротам. К позору нашего военного, да и всего государственно-партийного руководства первое правило не было должным образом выполнено. Проходили не только годы, но и десятилетия, расходовались миллиардные средства на сооружение пышных «мемориалов», организацию торжественных парадов Победы, всякого вида заседаний и встреч, а в лесах и болотах обширных районов бывших боев продолжали тлеть останки тысяч наших воинов. Особенно много их оказалось, судя по находкам поисковых молодежных отрядов, в Псковской и Новгородской областях, где погибли части 2-й Ударной армии (генерала Власова), рванув-

шейся в начале 1942 г. на прорыв к Ленинграду, но не получившей должной поддержки и оставшейся без сдавшегося в плен командования. О том, в каком убогом состоянии находятся в сельской местности западных областей могилы павших воинов, говорить не приходится: это позор не только для правительства, но и для жителей этих областей. После развала Советского Союза резко участились случаи осквернения таких могил и разрушения памятников в государствах Прибалтики и в некоторых других местах, где Красная Армия воспринималась значительной частью населения как оккупационная.

Не все благополучно было с награждениями. В первый период войны, когда Красная Армия отступала, награждений было сравнительно мало (преобладала доля «посмертных», в результате чего оставшиеся в живых оказались обделенными, несмотря на их немалую отвагу и подвиги). Создается впечатление, что сравнительно редко награждали партизан. О многих миллионах красноармейцев, оказавшихся в плену, часто ранеными или контуженными, в отношении наград и говорить не приходится. В царской России год плена приравнивался к трем годам обычной службы с соответствующими награждениями за ее длительность, в нашей — по указанию Сталина — пленные обычно считались «изменниками Родины» и после освобождения из гитлеровских концлагерей массами отправлялись в ГУЛАГ. Во второй период войны награждаемость стала быстро расти, появились даже какие-то нормативы (особенно у летчиков), хотя обычно многое здесь, вероятно, зависело от расторопности командиров частей и их отношений с вышестоящими. Почти все, кто находился на должности выше командира роты (аргдивизиона) и на передовой не бывал (или появлялся эпизодически), получали награды за то, сколь успешно воевали их подчиненные (для политработников — «подопечные»), и обычно чем больше было таких подчиненных, тем чаще и рангом выше шли им награды. Впрочем, для меня все это стало ясно позже, а во фронтовой жизни особого внимания специфике награждений не уделялось: главная награда здесь заключалась в том, что ты остаешься живым и непокаленным, а в остальном были достаточно правдивы слова довольно геройского Василия Теркина: «Нет, ребята, я не гордый./ Не заглядывая в даль,/ так скажу: зачем мне орден?/ Я согласен на медаль».

К концу войны в нашем батальоне среди рядовых и сержантов, помнится, большинство уже были награждены медалями, а примерно четверть — орденами; среди офицеров орденами — почти все, но не густо. Поэтому возвратившись после демобилизации в Москву, куда переехала моя семья, я с удивлением смотрел на многочисленных офицеров, увешанных орденами в два-три ряда, да и завидовал им, так как за ордена в то время немного платили, а мне, ставшему вскоре студентом института, на стипендию прожить было трудно. Потом такая доплата была отменена, а награждения продолжались, к сожалению, не всегда обоснованно.

Это было заметно даже по «городам-героям», которых после окончания войны было всего четыре (Одесса, Севастополь, Ленинград и Сталинград), а затем стало в 3 раза больше; Керчи и Новороссийску такие звания были присвоены лишь в 1973 г., как понимали, в основном за то, что в политотделе воевавший там в 1943 г. армией служил мало тогда кому известный полковник Л. И. Брежнев. Сам Брежнев на глазах у всей страны, к стыду военного ведомства, и чуть ли не курам на смех, во время пребывания в генсеках стал маршалом Советского Союза, четырехжды Героем Советского Союза (в то время как прославленный Г. Жуков удостоился этой чести лишь трижды), был награжден высшим военным орденом «Победа» и другими многочисленными орденами. Нередко перепадало мало за что и нижестоящим чинам. Впрочем, если учесть, что орденом «Победа» был награжден бывший румынский король Михай, а Героем Советского Союза стал египетский лидер Г. Насер, служивший во время войны в войсках гитлеровского генерала Роммеля, то смешного в этих делах станет меньше. Девальвация наград стала приводить к тому, о чем точно сказал Б. Слуцкий: «Ордена теперь никто не носит,/ планки носят только чудаки,/ да и их, наверно, скоро бросят,/ сберегая пиджаки». Увидев такой «непорядок», наши идеологи явно забеспокоились. Была

сочинена даже хоровая песня «Фронтовики, наденьте ордена», но прошлое почтение к военным наградам так полностью и не вернулось.

Еще одной несурзацей в этой области, отмеченной всеми знакомыми мне фронтовиками, стало награждение боевыми орденами и медалями, освященными памятью о Великой Отечественной войне, участников довольно позорной войны в Афганистане. Мне хорошо понятен трагизм наших ребят, почему-то названных «воинами-интернационалистами», значительная часть которых нередко фактически была вынуждена выполнять роль карателей против массы населения, отторгавшего навязываемую ему политическую систему. Понимаю, что немалое число их, по военным стандартам, проявили отвагу и даже героизм, хотя многие сравнительные оценки здесь некорректны из-за ситуации гражданской войны. За 10 лет войны в Афганистане погибло 15 тыс. наших воинов, в то время как потери среди местного населения исчисляются многими сотнями тысяч. Так или иначе, отнюдь не в обиду «афганцам», вероятно, следовало бы учредить для этих воинов какие-то специальные «афганские» ордена и медали, отличные от наград Великой Отечественной войны.

Возвращаясь к своей основной теме, хочу привлечь внимание к трагической судьбе многих десятков тысяч военных калек — безногих, безруких, безглазых, со страшно изуродованными лицами от ранений и ожогов и т. п., которые не захотели или не смогли вернуться к близким (или вообще потеряли таковых) и мыкались главным образом по разным трущобам. В 1946 г., помнится, они часто попадались на глаза на рынках и вокзалах, как-то помогали друг другу, а напиваясь, скандалили и ругали власть за невнимание к их нуждам. Но, кажется, уже с середины 1946 г. число их заметно пошло на убыль. По разговорам, их стали «отлавливать» и отправлять в спецучреждения, расположенные в малообжитых местах, на более или менее спокойную «жизнь-вымирание». В литературе эта тематика была затронута в одном из рассказов Ю. Нагибина о женщине, посетившей с семьей в турпоездке остров Валаам и встретившей там своего довоенного любимого, ставшего безногим инвалидом. Даже думать о таких случаях мучительно, но и забывать о них — тоже нельзя...

Обычно совестливые люди не ждут каких-то привилегий за выполненный ими долг, если даже в той или иной степени сами пострадали. Следует признать, что немало людей, бряцая военными наградами, смогли так или иначе устроиться в жизни, повысить свое благосостояние. Но в данном случае речь идет не о способных «пробиться» к тем или иным благам, а о самой необходимости «пробиваться». Ведь если государство даже в мирное время печется о своем армейском (преимущественно офицерском и генеральском) сословии, предоставляет ему различные льготы, повышает в звании, нередко балует наградами, а затем обеспечивает сравнительно высокими пенсиями (не принуждая их «пробиваться» к ним), то уместно ждать от него заботы и о рядовых, так сказать, ветеранах войны, которые действительно не щадили жизни ради Отечества и фактически сделали не меньше, чем кадровые чины в мирное время. К сожалению, в нашей стране, правители которой могли бездумно расходовать огромные средства на различные малоэффективные проекты вроде БАМа, а то и просто на показуху, забота о ветеранах войны была мала изначально (особенно по сравнению с нашими западными союзниками) и становилась все меньше и меньше, хотя жизнь делалась все сложнее и тяжелее, а сами ветераны — все более пожилыми и зачастую беспомощными. Кроме того, появлялись новые контингенты людей, «приравняваемых» к ветеранам Великой Отечественной, что так или иначе затемняло их роль и значение.

* * *

Идут годы, и с течением времени уходят из жизни ветераны Великой Отечественной войны, а с ними уходит и живая память о действительно великой и страшной войне. Остается, правда, пресса военных лет, хроникальные фильмы и мемуарная литература, но в них много конъюнктурного, а многого вообще нет, как нет и в художественной, нередко надуманной, литературе. Некоторые важные

пробелы в отношении освещения тылового, фронтового и оккупационного быта были отмечены мною выше, но и те ждут своего более подробного анализа с использованием личных воспоминаний пока еще остающихся в живых ветеранов, а также архивов военного ведомства, репрессивных органов и т. д.

Уходят ветераны Великой Отечественной с гордостью, что жизнь их прошла не напрасно, ибо они посильно участвовали в укреплении великой державы, а когда перед нею встала смертельная угроза, не щадя жизни, встали на ее защиту. Уходят с горечью, ибо манящая их цель — строительство светлого коммунистического общества — оказалась иллюзорной, их «мудрый» вождь — кровавым деспотом, а его преемники — властолюбивыми и немудрыми, плохо управлявшими великой державой и почти столь же мало заботившимися о них, да и вообще о ее рядовых гражданах. Уходят со скорбью, ибо великого Советского Союза, за который они боролись, а их товарищи погибали, уже нет. Слово «патриотизм» стало чуть ли не бранным. Героическому Сталинграду дали серое имя Волгоград, а трагическому Ленинграду — его давнее немецкое название Санкт-Петербург, а не русское Петроград. На территории урезанной России царят не светлые идеалы, а упадок и произвол, впереди же маячит перспектива превратиться в униженную полукOLONиальную страну со все более вымирающим населением.

Большинство ветеранов не понимает «прогрессивности» таких событий, а часть пытается как-то препятствовать их развитию, судорожно хватаясь за привычные красные флаги и поднимая портреты Генералиссимуса, который привел их к великой Победе. Меня нет в их рядах, но я понимаю их переживания и смотрю с презрением на тех, кто обзывает таких ветеранов «коммунофашистами» и посылает против них парней из спецназа с тяжелыми дубинками. Ведь бить стариков — это вообще стыдоба и большой грех. Если бы эти ветераны не спасли страну от угрозы реального фашизма и нацизма, то на российских просторах сейчас, вероятно, стояли бы красивые немецкие поместья и серые бараки с оставленными нацистами в живых подневольными русскими батраками. И об этом следует подумать нашей молодежи, одурачиваемой мифом о «русском фашизме».

А приближающееся 50-летие праздника Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., очевидно, последний большой праздник в жизни ее ветеранов. До другой, уже менее «круглой» даты почти все они вряд ли доживут. И об этом тоже приходится думать...

Примечания

¹ Здесь и далее цит. по: *Сталин И. О Великой Отечественной войне советского народа*. 5-е изд. М., 1947.

² *Поршнев В. Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы современной науки*. М., 1969. С. 110.

³ *Всемирная история. Даты и события. Эпоха перехода от капитализма к коммунизму*. М., 1968. С. 138.

⁴ *Козлов В. И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. // История СССР*. 1989. № 2.

⁵ *Сопельник Б. За ценой не постоим... // Независимая газета*. 24 сентября 1994 г.

⁶ *Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история*. М., 1967. С. 803.

⁷ *Байдужий А. Дорогая цена великой победы // Независимая газета*. 8 мая 1993 г.

The Great Patriotic War: thoughts and recollections

The author, a veteran of the Great Patriotic war, shares his recollections and thoughts about the pre-war time, the outbreak, the course and the significance of the war.

V. I. Kozlov